

„Царицынский вестник“ 1900г, 29 ноября, № 855,

с. 2, 3.

„Три сестры“. Чехова.

Новая драма А. П. Чехова окончена. Автор вручил рукопись Художественно-общедоступному театру. Сотрудники „Нов. Дня“ имеют возможность познакомиться с „Тремя сестрами“ и получить разрешение познакомиться с ними своих читателей.

Самая пьеса такого характера, что обстоятельный, с деталями, пересказать ее — дело невозможное. Вся сила и интерес „Трех сестер“ — не в их фабуле, которая, как всегда у Чехова-драматурга, незначительна, без сложных внешних перипетий.

С первого же явления мы знакомимся со всеми тремя сестрами: Ольгой, учительницей гимназии, Машей, женой учителя

гимназии, и Ириной, вдовой, 20-летней девушкой. Она — дочь генерала, год назад умершего, прекрасная женщина, образованная, с блестящими манерами, которую таят в своем сердце, молодой, содержит себя. Хочется постоянно и искреннего счастья и счастья, что она по своей многолетней жизни, по опыту и теперь. За всеми — жена, и особенно за — в сердце через сестер, особенно Ириной. Но она уже десять лет живет в глухой провинциальной городке и главная из причин — она хочет вернуться отсюда на свежий воздух большого города, Москвы, где она родилась, где университет, куда готовился профессором их старший брат Андрей, — вот главная из причин. Мечта в Москве красной нитью проходит через всю пьесу. Ко ней направляются в моменты наибольшей сумеречной сумятицы в Провинциальном доме. Но мечта не сбывается. Она будет с каждым днем казаться все более осуществимой и последняя работа жизни трех сестер, грех и горечь, будут все кончить в бланку под лавором вечной жизни, глупого сдвигания случайных фактов и общего ирака уныния. Сейчас, под влиянием происшедшей весны, есть такая мечта, хоть младшей из сестер, Ирины, кажется, что загадка жизни — загадка разгадка. Разгадка — в труде. „Человек должен трудиться, работать на пути жизни, что бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его будущее...“ Но одна Ирина думает так... В итоге — последнее убийство многих от безразличия. Неудачное убийство... Во второй акт Ирины до усталости работает в телеграфном третьем — в женской управе, — но не дает этот труд „счастья, счастья“. Все туже затягивается петля жизни. Такая боль в голове, отчаяние в сердце. Образ Ирины — наиболее печальный из дра-

нѣ, потому что на нее особенно тяжелыми ударами падаютъ сумерки.

Онѣ влутъ своимъ печальнымъ чередомъ, принося маленькія внѣшнія перемѣны въ жизни героевъ пьесы и лишь сгущая общій свой колоритъ. Недаромъ одинъ изъ персонажей „Трехъ сестеръ“ любитъ мечтать о томъ, что будетъ черезъ двѣсти-триста тысячъ лѣтъ, какъ тогда устроится жизнь, какъ хорошо устроится... Какъ должна быть безнадежна и безысходна действительность, когда утѣшаться надо розовыми перспективами на разстояніи тысячелѣтій.

Вокругъ сестеръ и ѣсколько пьесна характерныхъ фигуръ, подернутыхъ все тою же дымкою унынія, то разрѣжающагося до грусти, то сгущающагося въ тунную тоску. Подполковникъ Вершининъ, которому принадлежатъ мечты о золотомъ вѣкѣ черезъ столѣтія, у котораго жела неоднократно трагится, чтобы досадить мужу, и которому суждено пробудить такую-то несладкую, вымученную любовь въ сестрѣ Машѣ, жень ограниченного, главно самодовольнаго учителя Кузигина; поручикъ баронъ Тузенбахъ, который силится быть оптимистомъ, но отъ его оптимизма вѣетъ жутью, и который влюбленъ въ Ирину, молитъ о счастье сдѣлаться его женою; штабсъ-капитанъ Соленый, тоже страдающій въ любви къ презирающей его Ирине; застѣчивый, покладистый, юный врачъ Чебутынинъ, забывшій и забукъ медицины, запойный пьяница. Всѣ они—тѣ русскіе люди, которые, говоря словами одного изъ персонажей этой же пьесы, „въ высшей степени свойственны возмущенный образъ мыслей, а въ жизни они хватаютъ такъ невысказанно“.

Братъ трехъ сестеръ женится на ограниченной провинціальной барышнѣ, terre-à-terre, легкомысленной женѣ, но сибѣливой, унылой женщины прибрать домъ къ рукамъ. И тутъ уныніе еще болѣе нависаетъ надъ

нимъ. Мужъ все болѣе затѣмляется тупой будней. Вѣсто московскій профессору—тоска по несбывшейся мечтѣ, по пожеланной сибѣ, да условный паритетъ. До плачущая сиринка въ минуту, когда особенно остро почувствуется действительность. Ольга все болѣе надрыгается въ гимназіи, Маша, наоборотъ грубая, но и наиболѣе цѣльная изъ сестеръ, все лѣе сгибается, все болѣе заботится въ слезахъ и желчи отъ двойного гнета—любви къ мужу и любви къ полковнику. Ирина все сильнѣе блекнетъ въ свѣтъ лучшихъ порывовъ, мечтаетъ въ тоскѣ, и это всѣхъ все дальнѣе уходитъ мечта—Москва. Вершининъ все тоскливѣе мечтаетъ о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ, Тузенбахъ все безпомощнѣе споритъ съ нинѣ и бодритъ себя виномъ. Словный его суицидъ влюбленъ въ Ирину. И во всемъ этого получается все болѣе угнетающая, пелѣная нескладница будничныхъ столкновеній изъ-за комнаты, денегъ, заслугъ.

Содержаніе пьесы передать нельзя—все обрывки, какъ изъ обрывковъ вся наша жизнь. Цѣльное лишь общее настроеніе, которое и символизируетъ эти досуды въ драмѣ жизни... Безсмысленность жизни—вотъ главная тема. И не можетъ быть въ ней смысла,—вотъ печальное рѣшеніе.

— А смыслъ?—спрашиваетъ Маша.

— Смыслъ? Вотъ сибѣ видѣть. Какой смыслъ?

Ринѣ что—изъ Москву, въ Москву, въ Москву!—какъ кончаютъ Ирина 2-й актъ пьесы. Но жизнь уходитъ и никогда вы не пойдете въ Москву,—какъ говоритъ та же Ирина въ другомъ мѣстѣ, и ея символъ ибры о трудѣ уже сибѣнился другимъ: „я ненавижу, я презираю трудъ“.

Развѣзка такая же нескладная на видѣ, но глубоко правдивая, съ пелѣвыми выстрѣлами Соленова въ барона, не разрѣжающій, но еще сгущающій атмосферу тоски, не расклатывающій, но усугубляющій кошмаръ жизни. „Саръ Да“.